

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГРАЖДАНСКУЮ (1763–1871)

О. В. ЕРОХИНА^{1), 2)}, А. А. КАЙРЯК²⁾

¹⁾Московский педагогический государственный университет,
пр. Вернадского, 88, 119571, г. Москва, Россия

²⁾Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Петербургское шоссе, 10, 196605, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается формирование этнической идентичности у немцев, переселившихся в Российскую империю во второй половине XVIII в., а также трансформация данной идентичности в гражданскую. Анализируется жизнь немецких переселенцев в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии. Делается вывод о том, что у городских немцев и сельских немцев (колонистов) преобразование этнической идентичности в гражданскую проходило по-разному. Его специфика была обусловлена вероисповеданием, сословной принадлежностью, а также экономической самодостаточностью немцев. До конца XVIII в. они стремились сохранять свою этническую идентичность, поэтому разговаривали на немецком языке, записывались в немецкие ремесленные цехи, заключали браки с этническими немцами. В конце XVIII в. начался процесс развития гражданской идентичности у городских немцев Санкт-Петербурга. Они тесно контактировали с русским населением, поэтому стремились изучать русский язык, получать образование в русских учебных заведениях и т. д. Отмечается, что у колонистов, которые находились под влиянием общины и имели многочисленные льготы, трансформация идентичности происходила медленнее. Началу данной трансформации поспособствовали модернизационные процессы в государстве в середине XIX в. У немецких колонистов Санкт-Петербургской губернии преобразование этнической идентичности в гражданскую началось несколько раньше, уже в начале XIX в.

Ключевые слова: этническая идентичность; гражданская идентичность; Российская империя; Санкт-Петербург; Санкт-Петербургская губерния; городские немцы; колонисты.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (грант № 23-18-20025).

Образец цитирования:

Ерохина ОВ, Кайряк АА. Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2024;1:42–55. EDN: PJIGEF

For citation:

Erokhina OV, Kayryak AA. Transformation of the ethnic identity of the Germans of the Saint Petersburg province into a civil one (1763–1871). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2024;1:42–55. Russian. EDN: PJIGEF

Авторы:

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики¹⁾, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа²⁾.

Анна Алексеевна Кайряк – лаборант Научно-образовательного центра исторических исследований и анализа.

Authors:

Olga V. Erokhina, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Russia, Institute of History and Politics^a, and chief researcher at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis^b.
ov.erokhina@mpgu.su

<https://orcid.org/0000-0001-5158-7110>

Anna A. Kayryak, laboratory assistant at the Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis.
anna_solveig@mail.ru

ПЕРАЎТВАРЭННЕ ЭТНІЧНАЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ НЕМЦАЎ САНКТ-ПЕЦЯРБУРГСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ГРАМАДЗЯНСКУЮ (1763–1871)

В. В. ЯРОХІНА^{1*}, Г. А. КАЙРАК^{2*}

^{1*} Маскоўскі педагагічны дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Вярнадскага, 88, 119571, г. Масква, Расія

^{2*} Ленінградскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна,
Пецярбургскае шасэ, 10, 196605, г. Санкт-Пецярбург, Расія

Разглядаецца фарміраванне этнічнай ідэнтычнасці ў немцаў, якія перасяліліся ў Расійскую імперыю ў другой палове XVIII ст., а таксама трансфармацыя этнічнай ідэнтычнасці ў грамадзянскую. Аналізуецца жыццё нямецкіх перасяленцаў у Санкт-Пецярбургу і Санкт-Пецярбургскай губерні. Робіцца выснова аб тым, што ў гарадскіх немцаў і сельскіх немцаў (каланістаў) пераўтварэнне этнічнай ідэнтычнасці ў грамадзянскую адбывалася па-рознаму. Яго спецыфіка была абумоўлена веравызнаннем, саслоўнай прыналежнасцю, а таксама эканамічнай самадастатковасцю немцаў. Да канца XVIII ст. яны імкнуліся захоўваць сваю этнічную ідэнтычнасць, таму размаўлялі на нямецкай мове, запісваліся ў нямецкія рамесніцкія цэхі, заключалі шлюбы з этнічнымі немцамі. У канцы XVIII ст. пачаўся працэс развіцця грамадзянскай ідэнтычнасці ў гарадскіх немцаў Санкт-Пецярбурга. Яны цесна кантактавалі з рускім насельніцтвам, таму імкнуліся вывучаць рускую мову, атрымліваць адукацыю ў рускіх навучальных установах і г. д. Адзначаецца, што ў каланістаў, якія знаходзіліся пад уплывам абшчыны і мелі шматлікія льготы, трансфармацыя ідэнтычнасці адбывалася больш павольна. Пачатку гэтай трансфармацыі паспрыялі мадэрнізацыйныя працэсы ў дзяржаве ў сярэдзіне XIX ст. У нямецкіх каланістаў Санкт-Пецярбургскай губерні пераўтварэнне этнічнай ідэнтычнасці ў грамадзянскую пачалося крыху раней, у пачатку XIX ст.

Ключавыя словы: этнічная ідэнтычнасць; грамадзянская ідэнтычнасць; Расійская імперыя; Санкт-Пецярбург; Санкт-Пецярбургская губерня; гарадскія немцы; каланісты.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду і Санкт-Пецярбургскага навуковага фонду (грант № 23-18-20025).

TRANSFORMATION OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE GERMANS OF THE SAINT PETERSBURG PROVINCE INTO A CIVIL ONE (1763–1871)

O. V. EROKHINA^{a,b}, A. A. KAYRYAK^b

^a Moscow Pedagogical State University, 88 Vernadskogo Avenue, Moscow 119571, Russia

^b Pushkin Leningrad State University, 10 Peterburgskoe Highway, Saint Petersburg 196605, Russia

Corresponding author: O. V. Erokhina (ov.erokhina@mpgu.su)

The formation of ethnic identity among Germans who moved to the Russian Empire in the second half of the 18th century is considered, as well as the transformation of this identity into a civil one. The life of German settlers in Saint Petersburg and the Saint Petersburg province is analysed. It is concluded that among urban Germans and rural Germans (colonists) the process of transition from ethnic identity to civil identity took place differently. Its specificity was determined by the religion, class, and economic self-sufficiency of the Germans. Until the end of the 18th century they sought to preserve their ethnic identity and therefore they spoke German, enrolled in German craft guilds, and married ethnic Germans. At the end of the 18th century the process of developing civic identity among the urban Germans of Saint Petersburg began. They were in close contact with the Russian population, so they sought to learn the Russian language, get an education in Russian educational institutions, etc. It is noted that among the colonists, who were under the influence of the community and had numerous benefits, the transformation of identity occurred more slowly. The beginning of this transformation was facilitated by modernisation processes in the state in the middle of the 19th century. Among the German colonists of the Saint Petersburg province, the transformation of ethnic identity into civil identity began somewhat earlier, already at the beginning of the 19th century.

Keywords: ethnic identity; civic identity; Russian Empire; Saint Petersburg; Saint Petersburg province; urban Germans; colonists.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation and the Saint Petersburg Science Foundation (grant No. 23-18-20025).

Введение

Эпоха Нового времени характеризовалась существенными трансформациями в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни европейского общества. Данные преобразования обусловили формирование национальных государств. В разных регионах этот процесс имел свою специфику.

Полиэтничность населения Российской империи требовала проведения особой национальной политики, нацеленной на гомогенизацию общества. Это нашло отражение в многочисленных законах, согласно которым, например, цыгане должны были переходить к оседлому образу жизни, восточноевропейские евреи – отдавать детей в рекруты и т. д. Реализация такой политики в условиях экономической и социальной модернизации общества влекла за собой эволюцию идентичности всех подданных.

Тема идентичности (этнической, государственной, гражданской, национальной) обрела популярность среди отечественных исследователей в конце XX – начале XXI в. Первые работы в данной области появились в психологии, социологии и философии [1–4], но вскоре и историки увидели связь между феноменом идентичности и исторической памятью [5–7]. При этом ученые иногда формировали определенный идеологический конструкт, с помощью которого «навязываемый аудитории образ прошлого становился нормой ее собственного представления о себе» [8, с. 9].

Указанной темой заинтересовались также специалисты по истории российских немцев. Этот интерес нашел отражение в докладах на конференциях, проводимых с 1994 г. под эгидой Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Наибольшее внимание ученые уделяли изучению национальных проблем, в частности исследовали политику российского государства в отношении этнических немцев в разное время, описывали вклад немцев в развитие общества, анализировали их взаимоотношения с властями и местным населением. После распада СССР под влиянием социально-политических и экономических процессов в России наблюдался всплеск интереса к национальным корням, традициям и обычаям. Это было обусловлено тем, что для этнической общности характерна стабильность: «...человека, обладающего этнической идентичностью, невозможно исключить из этноса без его собственного желания отречься от своего народа»¹.

Вопросу идентичности при этом уделялось недостаточно внимания. В 2010 г. Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев была организована конференция

в Москве «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков» [9]. Все представленные на мероприятии доклады выходят за рамки настоящей работы, но следует отметить статью Е. В. Лебедевой. В ней предпринята попытка показать особенности формирования общероссийского сознания у российских немцев через их сословную идентичность в дореволюционный период [10]. По мнению автора, параллельно процессу формирования надэтнической общероссийской идентичности у немцев происходил процесс становления этнической (национальной) немецкой идентичности, приходившей на смену групповому сознанию отдельных социальных, конфессиональных и религиозных групп.

О развитии общероссийской идентичности в немецких колониях со второй половины XIX в. писала И. В. Черказнянова [11]. Она исследовала изменения в жизни и сознании российских немцев на основе анализа празднования юбилейных дат их переселения под Санкт-Петербург. По мнению И. В. Черказняновой, с 1866 г. колонисты стали воспринимать себя как «самостоятельную большую группу... вышедшую за границы отдельных колоний» [11, с. 109].

Из иностранных исследователей к теме идентичности российских немцев обращались в разное время М. Буш и Д. Дальман [12; 13]. Опираясь на статистические материалы, М. Буш выявила и описала основные черты быта и культуры немецкого населения Санкт-Петербурга, а также предприняла попытку определить их вклад в экономическую жизнь города. Она сделала вывод о том, что городские немцы не могли иметь единую идентичность из-за принадлежности к разным религиозным и социальным группам [12, S. 111]. По мнению Д. Дальмана, «язык и религия, вместе взятые, означают со значительной долей вероятности принадлежность к немецкой этнической группе» [13, с. 157]. Однако следует отметить, что на немецком языке могли говорить не только немцы. Кроме того, немцы могли исповедовать православие и даже иудаизм [12, S. 30].

Основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении вопросов быта, культуры и традиций городских немцев и сельских немцев (колонистов). Тема идентичности для историков представляла интерес только в связи с выяснением положения немцев после прихода к власти большевиков.

Целью настоящей работы является анализ преобразования этнической идентичности российских немцев (городских жителей и колонистов) в гражданскую на примере немцев, проживавших в Санкт-Петербургской губернии. Анализ проводится на

¹Мухлынкина Ю. В. Этническая идентичность: сущность, содержание и основные тенденции развития : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. М. : Воен.-техн. ун-т при Федер. агентстве спец. строительства Рос. Федерации, 2011. С. 3.

основании следующих критериев идентичности: вероисповедания, владения языком, принадлежности к социальной группе, общественной организации или определенному поколению и взаимоотношений с властями и местным населением.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1763 г., когда был издан манифест Екатерины II о приглашении иностранцев в Россию², до 1871 г., когда были опубликованы Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: Санкт-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и области Бессарабской³. Выбор таких рамок исследования обусловлен тем, что переселение иностранцев (большинство которых составляли немцы) с предоставлением им привилегий и льгот способствовало формированию у них этнической идентичности.

В процессе подготовки статьи были использованы опубликованные и неопубликованные источники. Нормативно-правовые акты, представленные в Полном собрании законов Российской империи, позволили выявить основные принципы государственной политики по отношению к немцам-переселенцам. Важным источником информации для определения численности немецкого населения в Санкт-Петербурге в конце 1860-х гг. стали материалы однодневной городской переписи⁴. В рамках исследования были использованы делопроизвод-

ственные, статистические и иные материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности ф. 383 «Первый департамент Министерства государственных имуществ», ф. 733 «Департамент народного просвещения» и ф. 821 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД», а также материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), в частности ф. 239 «Императорское Петроградское коммерческое училище», ф. 781 «Санкт-Петербургское городское депутатское собрание», ф. 788 «Санкт-Петербургская городская шестигласная дума» и ф. 1716 «Санкт-Петербургский нижний надворный суд». Уникальным источником сведений о жизни населения Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии стала рукопись Ф. О. Туманского «Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санктпетербургской губернии, включая народы и селения от времен древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями» (1789–1790)⁵. Анализ документов позволил выяснить, как петербургские немцы стремились сохранить свою этническую идентичность и когда наметился переход к формированию у них гражданской идентичности. Привлечение широкого круга источников позволило сделать вывод о том, что специфика трансформации этнической идентичности в гражданскую у немцев была обусловлена не только их принадлежностью к городской или сельской среде, но и близостью их проживания к столице.

Теоретические основы исследования

Исследование построено в рамках научного дискурса двух идентичностей – этнической и гражданской. Основу работы составили теоретические разработки М. Н. Губогло, Л. П. Репиной, В. А. Тишкова и других авторов [14–16].

Этническая идентичность является феноменом сознания, т. е. она ситуативна и подвержена изменениям. Именно поэтому в данной статье сконцентрировано внимание на «социокультурных факторах длительной временной протяженности

(культурно означенное, обжитое предками прошество, общий язык, символы, обычаи и ценности, верования/религия, многовековая устная традиция)» [15, с. 14].

Для поиска и обработки информации были использованы специальные и междисциплинарные методы: историко-сравнительный, историко-проблемный и историко-описательный. Кроме того, для анализа статистических данных применялись количественные методы.

Результаты и их обсуждение

Этническая идентичность и гражданская идентичность: теоретические аспекты. Этническая идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к определенной этнической

общности и его обособление от других этносов. Гражданская идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан того или иного государства.

² Полное собрание законов Российской империи : [собр. 1-е: с 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 16, № 11880. С. 313–316.

³ Полное собрание законов Российской империи : [собр. 2-е]. СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. Т. 46, № 49705. Отд. 1. 1871. С. 813–819.

⁴ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1. Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1872. 129 с.

⁵ Отд. рукоп. Рос. нац. б-ки (далее – ОР РНБ). Ф. 885. (Тексты документов и материалов приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.)

Существует мнение о том, что формулировки «национальная идентичность» и «этническая идентичность» тождественны [17, с. 129]. Однако В. А. Ачкасов считает, что «понятия “этнос”/“этничность” являются базовыми для этнической классификации, а понятие “нация” определяется чаще всего как государственная форма этнической общности людей» [1, с. 48]. Данной точки зрения придерживается и В. М. Менжуев⁶.

По мнению Б. Н. Миронова, Российская империя никогда не была нацией-государством, потому что этносы «не жили единой жизнью, общими мыслями и настроениями, не существовали как единое общество», их жизнь протекала по своим обычаям и законам [18, с. XVIII]. На данное обстоятельство обращает внимание В. Г. Чеботарева, которая в статье [19] анализирует жизнь немецких колоний в Российской империи до 1917 г. Автор отмечает, что «...колонии были устроены на основе национальных традиций с учетом национальной психологии. Колонисты не знали стрессов, связанных с грубым разрушением их национальной самобытности» [19, с. 141]. По словам В. Г. Чеботаревой, немецкие колонии в Российской империи существовали как государство в государстве.

Идентичность представляет собой постоянно развивающийся феномен. Под влиянием новых исторических обстоятельств происходит трансформация этнической идентичности в гражданскую. Й. Рюзен называет это кризисом исторической памяти, наступающим «при столкновении исторического сознания с опытом, который не укладывается в рамки привычных исторических представлений» [15, с. 14].

Формирование гражданской идентичности, по мнению Л. М. Дробужева, «связано с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его патерналистских настроений на деятельность самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих» [20, с. 13–14]. Позже Л. М. Дробужева⁷, как и В. А. Тишков [21], будет отождествлять гражданскую и государственную идентичность. По убеждению Л. П. Репиной и И. Н. Ионова, стирать границы между данными понятиями нельзя, потому что государственная идентичность выражает вертикальное доверие общества к власти, а гражданская идентичность – горизонтальное доверие и солидарность между группами общества [8, с. 38].

Специфика формирования идентичности у немецкого населения Санкт-Петербурга.

По мнению Е. В. Лебедевой, городские немцы реализовывали восполняющую функцию в российском обществе. Такая функция имела место, когда социальная структура страны-реципиента не позволяла эффективно решать задачи экономической и культурной модернизации [10, с. 418]. Первые упоминания о российских немцах встречаются в источниках второй половины XVI в., в частности в материалах о Немецкой слободе в Москве. Со второй половины XVIII в. такие же поселения появились в Санкт-Петербурге, Одессе, Саратове и других городах.

В дореволюционной статистике отсутствовало понятие «национальность», поэтому определить численность немецкой общины можно лишь приблизительно. Некоторые историки, используя профессиональный подход, утверждают, что к 1780-м гг. численность немцев – прихожан лютеранских и католических церквей в Санкт-Петербурге составляла не менее 16 тыс. человек [12, S. 21; 13, с. 157; 22, S. 194]. Кроме того, в немецких колониях Санкт-Петербургской губернии проживали 538 человек⁸.

Г. Шторх, определяя численность немецкой общины, опирался на языковой критерий этнической идентичности. По данным историка, в 1789 г. в Санкт-Петербурге проживали 17 660 немцев [12, S. 21], однако эти сведения не подтверждены документально. Единственным объективным источником информации о численности немецкой общины являются исповедные ведомости (росписи), которые составлялись как для православного, так и для инородческого (в том числе для католического и лютеранского) населения Российской империи. Но за XVIII – первую половину XIX в. такие документы в фондах церквей отсутствуют. В метрических книгах лютеранских церквей Санкт-Петербурга за XVIII в. содержится информация лишь о числе крещеных, умерших, причастившихся и повенчанных.

По сведениям Ф. О. Туманского, в 1786 г. в Санкт-Петербурге проживали 20 027 немцев, плативших и не плативших подати⁹ (речь идет о главах семей). На основании данных Петербургской городской обывательской книги за 1785–1789 гг. мы определили, что средний размер городской семьи составлял 5–6 человек¹⁰. Таким образом, в столице проживало порядка 100–120 тыс. человек, не относившихся к дворянам и духовенству. Ежегодное количество рожденных, которые были зарегистрированы

⁶Менжуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Гражданское общество в России : электрон. б-ка. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/1992-5-6-2-Mezhuev.pdf> (дата обращения: 21.05.2023).

⁷Дробужева Л. М. Теоретические проблемы изучения гражданской идентичности и социальная практика // Перспективы : портал. URL: https://www.perspektivy.info/misl/cenn/teoreticheskiye_problemy_izuchenija_grazhdanskoj_identichnosti_i_socialnaja_praktika_2014-09-10.htm (дата обращения: 11.07.2023).

⁸ОР РНБ. Ф. 885. С. 69.

⁹Там же. С. 69 об.

¹⁰ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 173. Д. 491.

в православных приходах в 1786–1788 гг., составляло в среднем 5597 человек¹¹.

Указанные данные позволяют заключить, что усредненный коэффициент рождаемости был высоким (50,9 ‰). Учитывая этот показатель и зная, что в 1786 г. родились 474 человека (456 младенцев лютеранского исповедания и 18 младенцев реформатского исповедания), можно определить, что численность немецкого лютеранского и реформатского населения составляла приблизительно 9300 человек¹². Вполне допустимо, что на самом деле численность немцев была несколько ниже полученного значения. Так, изучение материалов ревизских сказок рубежа XVIII – начала XIX в. показало, что средний размер немецкой семьи составлял 2,7 человека¹³.

Обратимся к концу рассматриваемого в статье периода. По данным однодневной городской переписи 1869 г., численность немецкой городской общины составляла около 45 тыс. человек (7,7 % населения Санкт-Петербурга)¹⁴. По словам немецкого исследователя М. Буш, 8 % из них были заняты в искусстве, науке, здравоохранении и образовании, что свидетельствовало о высоком уровне профессиональных знаний [12, S. 46]. Значительную часть немецкого населения составляли представители мещанского (32 %) и купеческого сословия (7 %). Конфессиональный состав при этом не изменился: около 92 % немцев были протестантами, более 5 % – католиками и 1 % – православными¹⁵. Кроме того, около 1 % исповедовали иудаизм [12, S. 30].

Еще при Петре I был принят закон, согласно которому русские и иностранные купцы и ремесленники должны были записываться в русские и иностранные гильдии или цехи соответственно. Жалованная грамота городам 1785 г. несколько изменила такое положение вещей, однако в Санкт-Петербурге сохранялась прежняя система социального деления, что в какой-то мере обуславливало этническую замкнутость иностранцев.

Немецкие ремесленники и купцы могли проживать во всех районах столицы, но все же стремились селиться в Адмиралтейской, Литейной и Васильевской частях города, что объяснялось наличием здесь лютеранских церквей. Еще в первой трети XVIII в. в Санкт-Петербурге было открыто четыре немецких прихода: при церкви Святого Петра (1704), церкви Святой Анны (1719), церкви Святой Екатерины (1728) и церкви Святого Михаила (1732).

Анализ статистических данных рождаемости и смертности за вторую половину 1780-х гг. свидетельствует о том, что большая часть немцев-лютеран обосновалась в Адмиралтейской и Литейной частях города, тогда как на Васильевском острове их проживало немного¹⁶. К концу XVIII в. в Санкт-Петербурге фактически сложился своеобразный немецкий мир с достаточно развитой инфраструктурой: функционировали церкви, кладбища, пивные, гостиницы и т. д.¹⁷

Как отмечал Ф. О. Туманский, немецкие мещане и ремесленники говорили на наречии, называемом «латдейч»¹⁸. Немцы были выходцами с разных европейских территорий, поэтому нередко между ними возникали конфликты. Например, 18 ноября 1781 г. в Санкт-Петербурге обер-полицмейстером П. В. Лопухиным были засвидетельствованы побои у мастера немецкого булочного цеха Е. Эйхольца, нанесенные ему уроженцем Гданьска И. Г. Линком и уроженцем Мекленбурга И. Зелисом¹⁹.

М. Буш и Е. В. Лебедева считают, что принадлежность немцев к ремесленному цеху не свидетельствовала о наличии у них коллективной идентичности по той причине, что немецкое городское население было представлено многочисленными группами, имеющими свою специфику [10, с. 418; 12, S. 231–232]. Критериями причисления к немецкому населению могли выступать язык, место рождения, гражданство и религия [13, с. 157]. Подсчет данных на основании лишь одного критерия, безусловно, не может быть объективным. Нельзя забывать о том, что в России проживали немцы, говорившие на немецком языке, но имевшие русское или иностранное подданство, что также оказывало влияние на формирование их идентичности. Например, в 1843 г. к немцам причисляли граждан из Пруссии (5616 человек) и Австрии (2573 человека) [23, S. 272].

В конце XVIII – начале XIX в. немецкие ремесленники, как наиболее многочисленная социальная страта петербургских немцев, стали активно интегрироваться в городское сообщество. С одной стороны, они могли, как и раньше, состоять в том или ином цехе, находившемся под руководством немецкой ремесленной управы, либо заниматься самостоятельной деятельностью, т. е. вести замкнутый образ жизни. С другой стороны, такая изоляция ремесленников немецкого происхождения значительно препятствовала реализации их профессиональных

¹¹ОР РНБ. Ф. 885. С. 70.

¹²Там же. С. 71.

¹³ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 5.

¹⁴Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып. 1. Население по возрастам, семейному состоянию, вероисповеданиям, народностям, сословиям и грамотности. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1872. С. 42–61.

¹⁵Там же. С. 124–127.

¹⁶ОР РНБ. Ф. 885. С. 71.

¹⁷Keller A. Das Deutsche Theater und die Entwicklung der deutschen Gesellschaft in St. Petersburg im 18. und 19. Jahrhundert. Freiburg : Albert-Ludwig-Universität, 1995. S. 13–14.

¹⁸ОР РНБ. Ф. 885. С. 77 об.

¹⁹ЦГИА СПб. Ф. 1716. Оп. 1. Д. 594. Л. 1.

возможностей, поэтому многие из них уже с конца 1780-х гг. стали принимать российское подданство и записываться в цеховые организации. Например, в 1789 г. мастер немецкого цеха И. Фейфер просил причислить его к российскому шорному цеху мастером²⁰. Нередки были случаи перехода немецких булочников в русский кондитерский цех²¹. Кроме того, уже в 1810-х гг. немецкие ремесленники были готовы нести те же повинности и платить те же подати, что и русские.

Как правило, церковные общины всегда являлись центром сплочения этнических групп. В Российской империи немцы были представлены в разных конфессиях (лютеранство, католицизм, меннонитство, православие). Преобладали при этом протестанты. Церковь стремилась к тому, чтобы сохранить этническую идентичность немцев посредством языка и веры. Однако со временем это становилось все труднее, потому что немцы постепенно забывали родной язык, чаще пользуясь русским языком. Некоторые из них принимали православие или заключали браки с православными. Указанные факторы свидетельствовали о начале кризиса этнической идентичности у российских немцев и преобразовании ее в гражданскую. В подтверждение этому можно привести слова доктора медицины Г. Л. Атенгофера: «Я знаю в сем городе некоторых, у коих отец или мать были из немцев, кои однако же вовсе не говорят по-немецки и живут по рускому обычаю. Напротив того, известны мне и такие особы, коих еще деды поселились в сей стране; а между тем они удержали немецкий характер, а с ним и обыкновение их предков» [24, с. 167].

Духовенство вынуждено было приспособляться к изменениям, происходившим с их паствой под влиянием ассимиляционных и модернизационных процессов. Службы на русском языке велись в церквях Гатчины, Олонца, Санкт-Петербурга, Кронштадта²².

Не последнюю роль в сохранении этнической идентичности немцев играли школы, которые стали открываться при церквях с 1710 г. Их главная задача заключалась не только в том, чтобы подготовить детей к конфирмации, но и в том, чтобы способствовать «надлежащим обучением для дальнейшего вступления в общину, образовывать из них хороших прихожан»²³.

Одна из первых немецких школ в Санкт-Петербурге была открыта при Лютеранской церкви Святой Екатерины на Васильевском острове в 1736 г. Однако к 1780-м гг. она была закрыта. В 1762 г. при

Евангелической лютеранской церкви Святого Петра было открыто училище, построенное за счет средств прихожан. Его специфика состояла в том, что в нем могли обучаться дети любой национальности и любой религиозной принадлежности. Сохранился один из журналов училища²⁴. В нем насчитывается 4 тыс. фамилий учащихся, при этом «большинство детей было от выходцев из Средней и Северной Европы, а около одной четверти – дети народов, населяющих Россию, в основном русские» [25, с. 131].

В немецких школах действовала пятиступенчатая система обучения. Она позволяла учащимся получить систематизированные знания по математике, географии, истории, экономике и другим наукам. Большое внимание уделялось изучению немецкого, русского и французского (а в дальнейшем латинского и английского) языков. В 1783 г. данное учебное заведение было переименовано в Главное немецкое училище при церкви Святого Петра. В его рамках было открыто отделение для девушек. Они не только осваивали базовую программу, но и дополнительно обучались шитью, вышивке и другим видам рукоделия. За дополнительную плату можно было брать уроки рисования и танцев²⁵.

Занятия в школах проводились на немецком языке, так как он был родным для большинства учеников. В школьных библиотеках была представлена в основном немецкоязычная литература, которая должна была обеспечивать духовное и нравственное развитие детей. Обучение в немецкой школе рассматривали как «важнейший элемент сохранения на века немецкого языка и вообще немецкого характера немецкой части населения в России» [26, с. 81–82].

Важным фактором социализации немцев в России стала доступность обучения. Так, училище при Евангелической лютеранской церкви Святого Петра было открыто для лиц всех национальностей. При этом занятия можно было посещать как эпизодически, так и систематически. В первом случае позволялось «каждому желающему и в каждое время прийти в класс и слушать способ преподавания, во втором случае ученики принимались на полный или половинный пансион»²⁶.

Позиции Евангелическо-лютеранской церкви укрепились после подписания ее устава 28 декабря 1832 г. Усилилось влияние церкви на обучение в немецких школах [27, с. 445–446]. Молодые люди могли быть не допущены к конфирмации, если не умели читать и писать по-немецки.

²⁰ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 2. Д. 620. Л. 1–2.

²¹Там же. Д. 2071. Л. 3.

²²Бобылев А. Евангелическо-лютеранская церковь // Немцы России : энциклопедия : в 3 т. Т. 1. А – И / редкол.: В. Карев [и др.]. М. : ЭРН, 1999. С. 753.

²³РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 18. Л. 62.

²⁴В журнал были внесены фамилии учащихся, принятых в школу в 1788–1818 гг.

²⁵ОР РНБ. Ф. 885. С. 100 об.

²⁶Там же. С. 101.

С появлением капиталистических тенденций в российской экономике положение немцев несколько изменилось. Они вынуждены были учить русский язык, чтобы быть успешными в профессиональной деятельности. Но, как писал В. Г. Белинский, их «язык был и не русским, и не иностранным, это был русский язык на немецкий манер» [13, с. 158].

Немаловажное значение в развитии гражданской идентичности немцев имело совместное обучение немецких и русских детей. Такой подход позволял прививать детям навыки конструктивного межкультурного общения и закладывать у них основы толерантности. Например, в немецкой школе Святой Анны русские дети составляли более 40 % учащихся [28, с. 35]. Г. Л. Аттенгофер писал: «Многие иностранные художники и ремесленники, по милости фортуны нажившие здесь хороший достаток, воспитывают детей своих на высокой ноге... и обыкновенно ведут их по высшей стезе, нежели каковую проложили и указали им их родители» [24, с. 167].

Одним из факторов трансформации этнической идентичности в гражданскую являлось стремление немцев отдавать своих детей на обучение в русские учебные заведения. Считалось, что в будущем это позволит им изменить свою сословную принадлежность и обеспечит их карьерный рост. Однако, чтобы поступить в государственное учреждение образования, необходимо было сдать экзамены, в том числе на знание русского языка. Примечательно, что к середине XIX в. уровень владения русским языком у молодых немцев был достаточно высоким. Так, средний показатель успеваемости абитуриента Санкт-Петербургского коммерческого училища К. Зура по немецкому языку составлял восемь баллов, а по русскому языку – шесть баллов [29, с. 67].

Значимую роль в поддержании этнической идентичности немцев Санкт-Петербурга играли социальные организации. Немецкие общины осуществляли призрение нуждающихся. При лютеранских церквях Санкт-Петербурга уже в XVIII в. функционировала «бедная казна», которая пополнялась за счет пожертвований членов общины при совершении церковных треб (крещения, отпевания, венчания и т. д.) и во время праздничных богослужений в честь Пасхи, Троицы, Рождества. Собранные средства ежемесячно распределялись между неимущими²⁷.

Во второй половине XVIII в. возникла новая форма социальной поддержки единоверцев: были учреждены похоронные кассы. Одна из первых таких касс появилась в Санкт-Петербурге при Лютеранской церкви Святой Екатерины. Данная касса была известна под названием «Общество для смертных случаев»²⁸.

Иногда немецкие социальные организации оказывали помощь не только немцам. Например, в апреле

1788 г. усилиями пастора Лампа при Евангелической лютеранской церкви Святого Петра было открыто «заведение для призрения больных без различия веры и народа», где можно было бесплатно получить медицинскую помощь. С апреля 1788 по апрель 1789 г. в данном учреждении прошли лечение 462 человека: 35 православных, 410 лютеран, 12 католиков и 5 реформаторов²⁹.

Клубы и союзы немцы основывали, как правило, для немцев. Позже членами таких объединений становились лица и других национальностей. Первый немецкий клуб был открыт в 1772 г. немецким купцом Шустером. Он был известен как Большой бюргер-клуб (*Grosser Bürgerklub*) или Шустер-клуб (*Schuster-Klub*). Его членами были чиновники, артисты, купцы и ремесленники. Клуб осуществлял не только развлекательную, но и благотворительную деятельность. Так, за счет средств клуба содержались 150 престарелых и неимущих, а также несколько сирот [30, с. 217].

Клубы, которые открывались в Санкт-Петербурге и Москве, были рассчитаны в основном на средние слои немецкого населения. Немцам предлагалось проводить досуг в рамках своей этнической группы. К подобным клубам можно отнести Санкт-Петербургское немецкое общество 1772 г., Санкт-Петербургское немецкое общество 1801 г., Московский немецкий клуб (основан в 1819 г.). Московский немецкий клуб ежегодно посещало около 60 тыс. человек, это были преимущественно немцы [31, с. 14]. В 1870-х гг. в него был открыт доступ представителям всех сословий и национальностей, в результате немцев в нем осталось меньше половины. В связи с этим культурные мероприятия в клубе все чаще стали проводиться на русском языке.

На протяжении XVIII – начала XIX в. у городских немцев доминировали конфессиональный и этнический маркеры идентичности. В этот период многие городские немцы приняли русское подданство, а некоторые из них стали отождествлять Российскую империю с родиной. Уже в конце XVIII в. у немцев началось формирование гражданской идентичности. Во многом этому способствовала система образования. Совместное обучение русских и немецких детей в школах при лютеранских церквях обеспечивало укрепление национальной толерантности и языковую ассимиляцию. Большую роль сыграло открытие немецких социальных и культурных учреждений. Первоначально они создавались только для немцев, однако постепенно превратились в немецко-русские объединения. Правила об устройстве поселян-собственников, опубликованные в 1871 г., ускорили процесс трансформации идентичности немцев Санкт-Петербурга.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 885. С. 106 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Специфика формирования идентичности у немецких колонистов Санкт-Петербургской губернии. Немаловажную роль в формировании этнической идентичности немецких колонистов сыграло российское правительство. После издания в 1763 г. манифеста Екатерины II о приглашении иностранцев в Россию в страну прибыло более 30 тыс. немцев. Они должны были поселиться в Поволжье. В Санкт-Петербургской губернии осталась их небольшая часть.

Немецкие колонисты имели особый гражданско-правовой статус. Это отражено в некоторых статистических материалах. В рукописи Ф. О. Туманского за 1786 г. представлена численность немецких колонистов в следующих уездах Санкт-Петербургской губернии: в Шлиссельбургском уезде (174 человека), Софийском уезде (154 человека), Ямбургском уезде (210 человек)³⁰.

В последующее десятилетие численность немецких колоний под Санкт-Петербургом выросла за счет новых переселенцев. На конец 1790-х гг. в регионе проживала почти 1 тыс. колонистов [32]. Ревизские сказки за первую половину XIX в. сохранились не в полном объеме, поэтому не позволяют проследить динамику численности колонистов. Но отчет инспектора петербургских колоний И. Гримма позволяет заключить, что в 1826 г. в немецких поселениях проживали 2506 человек³¹. По данным академика П. Кеппена, к концу 1840-х гг. в петербургских колониях числились 3560 человек, а к концу 1857 г. – 3674 человека [33, S. 112–113].

Американский социолог Э. Р. Вольф называл немецкие колонии закрытым корпоративным сообще-

ством [13, с. 162]. Закрытость колоний заключалась прежде всего в делении их поселенцев по вероисповедному признаку. Кроме того, экономическая самодостаточность немцев позволяла им практически не контактировать с местным населением.

Жителям немецких колоний были предоставлены льготы и привилегии, которыми не обладало русское население: переезд за счет правительства, свобода вероисповедания, возможность получения беспроцентной ссуды с уплатой через десять лет, а также освобождение от податей, налогов, постоя, обязательной государственной службы и рекрутской повинности. Кроме того, немецким колонистам разрешалось полное самоуправление³². Делопроизводство, связанное с жизнью колоний, велось на немецком языке, что также давало немцам возможность сохранить свой язык. Однако такая тенденция не встречала одобрения в обществе: «В русском государстве нашлись новые подданные, которые затруднялись понимать государственный язык их нового отечества, и наше правительство с полной готовностью предписывает своим органам употреблять в сношениях с этими чужеземцами язык их родного фатерлянда» [34, с. 89].

М. Буш считает, что на формирование этнической идентичности немецких колоний оказывала влияние совокупность факторов: их происхождение, время переселения, социальное положение, членство в общественной организации или принадлежность к определенному поколению [12, S. 231–232]. Немцы, переехавшие в Российскую империю, были выходцами из разных стран (см. таблицу).

Сведения о переселившихся в Российскую империю в XVIII в. немцах

Information about Germans who moved to the Russian Empire in the 18th century

Место происхождения	Область поселения	Время поселения
Гессен, Рейнская область, Пфальц	Поволжье	1764–1767
Гессен, Пруссия, Вюртемберг, Баден	Петербургская губерния	1765–1767
Гессен, Рейнская область	Черниговская губерния	1765–1766
Вюртемберг	Воронежская губерния	1765
Пруссия, Вюртемберг	Екатеринославская губерния	1786–1789
Данциг – Западная Пруссия	Екатеринославская губерния	1789–1790

Примечание. Составлено по данным работы [35, S. 12].

Немецкие колонии формировались по конфессиональному признаку, следовательно, сохранению их этнической специфики способствовало духовенство. На основании Закона Российской империи от 19 марта 1764 г. «О размежевании земель, назначенных для поселения въезжающих иностранцев» колонисты должны были селиться в округах, соз-

даваемых по религиозному принципу, чтобы «отвратить чрез то всякую вражду и ненависть, слушающиеся обыкновенно между разноверцами, от излишней ревности к вере» [36, с. 52]. В отчете инспектора Санкт-Петербургских колоний И. Бухмина от 24 февраля 1832 г. указывалось: «Поселенные в Санкт-Петербургской губернии колонисты в уездах

³⁰ОР РНБ. Ф. 885. С. 69.

³¹РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1194.

³²Полное собрание законов Российской империи : [собр. 1-е: с 1649 по 12 дек. 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 16, № 12095. С. 313–316.

Санкт-Петербургском, Царскосельском, Ораниенбаумском и Ямбургском состоят из 12 колоний, в числе коих Среднерогаткинская, Новосаратовская, две Ижорские и три Ямбургские... первые четыре евангелического, а последние три римско-католического вероисповедания, затем Стрельнинская, три приморские и Кипенская колонии... и, наконец, Фриденгальская... все евангелического вероисповедания»³³. Представители других национальностей в колониях не селились. Заключение браков между колонистами с разной религиозной или социальной принадлежностью не допускалось. Нарушение этого запрета грозило выселением из колонии.

В сохранении немецкой культуры в поселениях важную роль играло духовенство. Довольно часто пасторы не только проводили богослужения, но и учили грамоте детей. При отсутствии церковного здания школа могла использоваться для молитвенных собраний. Указом от 25 октября 1819 г. на пасторов было возложено руководство школами в колониях, что только усилило контроль за сохранением этнической культуры, языка и веры немцев³⁴.

По мнению некоторых авторов, колонисты не испытывали потрясений, связанных с разрушением их национальной самобытности, потому что их жизнь была организована «...по-старому, по традиции, по-немецки, ничто не могло внести в эту замкнутую среду и изолированную жизнь какого-либо новшества. Общество у них чисто немецкое, волостное и сельское начальство – немцы, волостные судьи – немцы, разные выборные должности – все немцы» [37, с. 48].

К середине XIX в. стремление части колонистов, особенно проживавших вблизи городов, адаптироваться к местным условиям становилось все более заметным. Немцы испытывали потребность выйти за рамки своей достаточно закрытой этнической группы. По мере финансовых возможностей они стремились отдать своих детей на обучение в государственные учреждения образования. Так, в 1842 г. житель немецкой колонии Верхняя Добринка (Саратовская губерния) А. И. Миллер просил зачислить своего 11-летнего племянника Ф. Я. Миллера в число своекоштных пансионеров Санкт-Петербургского коммерческого училища. Просьба была удовлетворена³⁵.

По словам Т. А. Шрадера, немцы-колонисты «вели обособленный от русского населения образ жизни, между собой говорили исключительно на немецком языке» [38, с. 135]. В Санкт-Петербургской губернии в конце 1780-х гг. «колонисты придерживались выговору тех земель, отколь вышли и ближе подходят к наречию швабскому» [24, с. 77 об.]. По мнению авторов статьи, с данным высказыванием сложно со-

гласиться. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии отличались от общеимперских немецких колоний близостью к столице, что приносило им значительную материальную выгоду: «...жители Санкт-Петербурга весьма часто для собственного удовольствия посещали колонии и в летнее время нанимали у колонистов дома»³⁶. Подобные контакты заставляли немцев приобщаться к русской культуре и традициям и изучать русский язык.

В 1825 г. жители колонии Средняя Рогатка обратились в Министерство внутренних дел Российской империи с просьбой ввести в программу сельской школы изучение русского языка. Согласие министра П. А. Строганова было получено. Кроме того, с начала 1830-х гг. русский язык стали преподавать во всех колониях губернии [39, с. 368].

Нередко колонисты выходили из колоний и числились к ремесленному сословию. Например, ижорский колонист Г. Леверенц после долгого проживания в Санкт-Петербурге записался в котовый цех³⁷ [40, с. 32]. Часто немцы отдавали своих детей на обучение к городским ремесленникам.

У жителей немецких колоний, расположенных вдали от российской столицы, этнические факторы идентичности были более устойчивыми, чем у немцев Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии. Многие путешественники отмечали, что, например, в колониях Поволжья, Екатеринославской, Черниговской и Воронежской губерний преобладали «только немецкая речь, только немецкие обычаи, немецкий строй жизни» [41, с. 9].

Предпосылками для трансформации этнической идентичности немцев в гражданскую стали изменения в законодательстве в 1871 и 1874 гг. Они лишили немцев особого статуса и связанных с ним привилегий и льгот и, таким образом, уравнили немцев в правах с основным населением России. Большинство колонистов и представители духовенства встретили нововведения с сопротивлением, посчитав их посягательством на немецкую культуру и веру. Это нашло отражение в народной песне «Манифест императрицы»: *Und schlissen man uns in Ketten ein, / Wir wollen sie zerreiben, / Wir wollen keine Russen, / Wir wollen Deutsche bleiben* [10, с. 426] «И нас закуют в цепи, / Мы хотим их разорвать, / Мы не хотим становиться русскими, / Мы хотим оставаться немцами»³⁸.

Положение немецких колонистов в значительной степени было обусловлено регионом их проживания. У столичных колонистов процесс трансформации этнической идентичности наметился еще в начале XIX в., когда они осознали необходимость изучать

³³РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 17–18.

³⁴Там же. Ф. 733. Оп. 7. Д. 522. Л. 16–17 об.

³⁵ЦГИА СПб. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1346. Л. 1.

³⁶РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 3 ; Там же. Д. 1138. Л. 84.

³⁷ЦГИА СПб. Ф. 788. Оп. 2. Д. 42. Л. 1–3.

³⁸Перевод наш. – О. Е., А. К.

русский язык. Немцы продавали свои товары в Санкт-Петербурге, сдавали петербуржцам комнаты на летний период и отправляли своих детей на обучение

русским ремесленникам. У большинства немецких колонистов Российской империи этот процесс начался ближе к середине XIX в.

Заключение

Немецкое население Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии сформировалось в результате активных миграционных процессов в XVIII – начале XIX в. Немцы-горожане и немцы-колонисты были выходцами из разных германских государств и принадлежали к разным социальным стратам.

До начала XIX в. немецкое население Санкт-Петербурга проявляло черты конфессиональной и этнической идентичности, что выражалось в стремлении проживать в определенных районах, сохранять свою культуру и традиции, обучать детей исключительно на немецком языке. Но, по мере того как немцы вовлекались в модернизационные процессы, происходившие в Российской империи, они начинали осознавать необходимость и перспективность ассимиляции. Немцы стали проявлять интерес к изучению русского языка, записываться в русские гильдии и цехи, заключать межконфессиональные браки. Некоторые даже принимали православие. Данные процессы свидетельствовали о появлении

первых признаков гражданской идентичности у российских немцев.

Жители немецких колоний существенно отличались от немцев – представителей городского сословия. На формирование идентичности немцев, проживающих в колониях, в значительной степени влияла община, которая регулировала их внутреннюю жизнь и ограждала их от внешнего мира. Они жили обособленно не только от русского населения, но и от своих соседей-колонистов, которые имели другое вероисповедание и говорили на другом языковом наречии. Разрушение этнической идентичности у немецких колонистов началось намного позже, чем у городских немцев, а именно в 1871 г., когда власти лишили их привилегий и фактически стали превращать их в русских. У колонистов Санкт-Петербургской губернии процесс трансформации этнической идентичности в гражданскую начался уже в конце XVIII в. Это было обусловлено близостью проживания к столице и частым контактированием с русским населением.

Библиографические ссылки

1. Ачкасов ВА. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999;2(1):48–58.
2. Лебедева НМ, редактор. Идентичность и толерантность. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН; 2002. 414 с.
3. Антонова НВ. Проблема личной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии. *Вопросы психологии*. 1996;1:131–143.
4. Хабермас ЮВ. *В поисках национальной идентичности: философские и политические статьи*. Донецк: Донбасс; 1999. 415 с.
5. Тишков ВА. О феномене этничности. *Этнографическое обозрение*. 1997;3:3–21.
6. Горшков МК, Тихонова НЕ, редакторы. *Российская идентичность в условиях трансформаций: опыт социологического анализа*. Москва: Наука; 2005. 395 с.
7. Бадмаев ВА, Хутыз ЗА. Историческая память и конструирование национальной идентичности. *Новые технологии*. 2009;4:75–79.
8. Репина ЛП, редактор. *Прошлое для настоящего. История-память и нарративы национальной идентичности*. Москва: Аквилон; 2020. 464 с.
9. Герман АА, редактор. *Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII Международной научной конференции; 21–23 октября 2010 г.; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2011. 576 с.
10. Лебедева ЕВ. От имперского патернализма к гражданской идентичности. Немцы России и проблема формирования общероссийского самосознания в XVIII – начале XX в. В: Герман АА, редактор. *Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII Международной научной конференции; 21–23 октября 2010 г.; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2011. с. 412–432.
11. Черказянова ИВ. Юбилей петербургских колоний как фактор формирования общероссийской идентичности колонистов. В: Герман АА, редактор. *Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России. Материалы 15-й Международной научно-практической конференции; 5–9 августа 2015 г.; Маркс, Россия*. Москва: РусДойч медиа; 2016. с. 97–109.
12. Busch M. *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration*. Essen: Klartext Verlag; 1995. 288 S.
13. Дальман Д. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели. В: Смагина ГИ, редактор. *Немцы в России. Петербургские немцы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 1999. с. 156–163.
14. Губогло МН. *Идентификация идентичности: этносоциологические очерки*. Москва: Наука; 2003. 763 с.
15. Репина ЛП. Память и знание о прошлом в структуре идентичности. *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2007;21:5–21.
16. Тишков ВА. *Реквием по этносу: исследование по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука; 2003. 542 с.

17. Аипова АК. Сущность понятия «этническая идентичность». В: Вишневский МИ, Снопкова ЕИ, редакторы. *Философско-педагогические проблемы непрерывного образования. Материалы III Международной научно-практической конференции; 26–27 апреля 2018 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; 2018. с. 129–133.
18. Миронов БН. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Том 1*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2003. 547 с.
19. Чеботарева ВГ. Немецкие колонии Российской империи – «государства в государстве». *Этнографическое обозрение*. 1997;1:129–144.
20. Дробижева ЛМ. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. В: Магун ВС, редактор. *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. Москва: Институт социологии РАН; 2006. с. 10–29.
21. Тишков ВА. Что есть Россия и российский народ. *Pro et Contra*. 2007;11(3):21–41.
22. Amburger E. *Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1986. 307 S.
23. Stricker W. *Deutsch-russische Wechselwirkungen oder die Deutschen im Russland und die Russen in Deutschland*. Leipzig: Mayer; 1849. 294 S.
24. Аттенгофер ГЛ. *Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Российской империи*. Козлов АП, переводчик. Санкт-Петербург: Императорская академия наук; 1820. 432 с.
25. Ульянов НП. Петришуле – старейшая школа в Петербурге. В: Смагина ГИ, редактор. *Немцы и развитие образования в России*. Санкт-Петербург: Российская академия наук; 1998. с. 129–136.
26. Зюсс В. *Чему и как учили в немецких школах России (начало XVIII столетия – 1917 год)*. Анненков ЭА, переводчик. Санкт-Петербург: Росток; 2007. 518 с.
27. Лиценбергер ОА. *Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.)*. Москва: Фонд «Лютеранское культурное наследие»; 2003. 543 с.
28. Nachtigal R. *Aufstieg und Niedergang der Deutschen von St. Petersburg – Leningrad*. В: Герман АА, редактор. *Российские немцы в инонациональном окружении: проблема адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы Международной научной конференции; 14–19 сентября 2004 г.; Саратов, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2005. с. 29–56.
29. Шайдуров ВН, Осипов НА, Кайряк АА. Немецкий ремесленный мир Санкт-Петербурга: особенности развития в первой половине XIX в. *Журнал фронтирных исследований*. 2023;3:48–73. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.532.
30. Пыляев МИ. *Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы*. Москва: Сварог и К; 1997. 480 с.
31. Лебедева ЕВ. Самоорганизация немецкого населения российских городов в XVIII – начале XX в. (на примере Москвы и Санкт-Петербурга). В: Герман АА, редактор. *Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. Материалы Международной научно-практической конференции; 29–30 октября 2007; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2008. с. 11–15.
32. Шайдуров ВН, Ерохина ОВ. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии: появление и развитие в 1765–1800-х гг. *Журнал фронтирных исследований*. 2023;8(1):15–31. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493.
33. von Koppen P. *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburg Gouvernements*. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften; 1867. 150 S.
34. Велицын АА. *Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России*. Санкт-Петербург: Русский вестник; 1893. 282 с.
35. Stumpp K. *Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs*. Freilassing: Pannonia-Verlag. Zeitraum; 1964. 139 S.
36. Лыкова ЕЕ, Осекина МИ, составители. *Немцы-колонисты в век Екатерины: сборник документов Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье*. Москва: Древлехранилище; 2004. 340 с.
37. Шелухин С. *Немецкая колонизация на Юге России*. Одесса: Акционерное южно-русское общество печатного дела; 1915. 83 с.
38. Шрадер ТА. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время. В: Юхнева НВ, составитель. *Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования*. Ленинград: Наука; 1989. с. 132–139.
39. Бахмутская ЕВ. Фактор Петербурга в экономической, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний. В: Герман АА, редактор. *Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы X Международной научной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев; 18–21 ноября 2003 г.; Москва, Россия*. Москва: МСНК-пресс; 2004. с. 357–371.
40. Шайдуров ВН. Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга: особенности формирования и развития сообщества в XVIII – начале XIX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;3:23–32.
41. Сергеев ИИ. *Мирное завоевание России немцам*. Петроград: Общество 1914 г. борьбы с немецким засильем; 1917. 68 с.

References

1. Achkasov VA. [Ethnic identity in situations of public choice]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1999;2(1):48–58. Russian.
2. Lebedeva NM, editor. *Identichnost' i tolerantnost'* [Identity and tolerance]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 2002. 414 p. Russian.
3. Antonova NV. [The problem of personal identity in the interpretation of modern psychoanalysis, interactionism and cognitive psychology]. *Voprosy psikhologii*. 1996;1:131–143. Russian.
4. Habermas YuV. *V poiskakh natsional'noi identichnosti: filosofskie i politicheskie stat'i* [In search of national identity: philosophical and political articles]. Donetsk: Donbass; 1999. 415 p. Russian.
5. Tishkov VA. On the phenomenon of ethnicity. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 1997;3:3–21. Russian.

6. Gorshkov MK, Tikhonova NE, editors. *Rossiiskaya identichnost' v usloviyakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian identity in the context of transformations: the experience of sociological analysis]. Moscow: Nauka; 2005. 395 p. Russian.
7. Badmaev VA, Khutyz ZA. Historical memory and the construction of national identity. *New technologies*. 2009;4:75–79. Russian.
8. Repina LP, editor. *Proshloe dlya nastoyashchego. Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti* [The past for the present: history-memory and narratives of national identity]. Moscow: Akvilon; 2020. 464 p. Russian.
9. German AA, editor. *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v istoricheskoi pamyati potomkov. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 21–23 oktyabrya 2010 g.; Moskva, Rossiya* [Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants. Materials of the 13th International scientific conference; 2010 October 21–23; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2011. 576 p. Russian.
10. Lebedeva EV. [From imperial paternalism to civic identity. The Germans of Russia and the problem of the formation of the all-Russian identity in the 18th – early 20th century]. In: German AA, editor. *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrennii mir rossiiskikh nemtsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v istoricheskoi pamyati potomkov. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 21–23 oktyabrya 2010 g.; Moskva, Rossiya* [Civil identity and the inner world of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the historical memory of descendants. Materials of the 13th International scientific conference; 2010 October 21–23; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2011. p. 412–432. Russian.
11. Cherkaz'yanova IV. [Anniversaries of the Saint Petersburg colonies as a factor in the formation of the all-Russian identity of colonists]. In: German AA, editor. *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemetskikh poselenii v Rossii. Materialy 15-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5–9 avgusta 2015 g.; Marks, Rossiya* [Education, life and fate of German settlements in Russia. Materials of the 15th International scientific conference; 2015 August 5–9; Marx, Russia]. Moscow: RusDoich media; 2016. p. 97–109. Russian.
12. Busch M. *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration*. Essen: Klartext Verlag; 1995. 288 S.
13. Dal'man D. [Petersburg Germans in the 18th century: peasants, artisans, entrepreneurs]. In: Smagina GI, editor. *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy* [Germans in Russia. Petersburg Germans]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 1999. p. 156–163. Russian.
14. Guboglo MN. *Identifikatsiya identichnosti: ehnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of identity: ethnosociological essays]. Moscow: Nauka; 2003. 763 p. Russian.
15. Repina LP. [Memory and knowledge about the past in the structure of identity]. *Dialogue with time. Intellectual History Review*. 2007;21:5–21. Russian.
16. Tishkov VA. *Rekvium po ehnosu: issledovanie po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for ethnos: a study in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka; 2003. 542 p. Russian.
17. Aipova AK. [The essence of the concept of «ethnic identity»]. In: Vishnevskii MI, Snopkova EI, editors. *Filosofsko-pedagogicheskie problemy nepreryvnogo obrazovaniya. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 aprelya 2018 g.; Mogilev, Belarus'* [Philosophical and pedagogical problems of continuing education. Materials of the 3rd International scientific and practical conference; 2018 April 26–27; Magiliow, Belarus]. Magiliow: Mogilev State A. Kuleshov University; 2018. p. 129–133. Russian.
18. Mironov BN. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genезis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. Tom 1* [Social history of Russia during the imperial period (18th – early 20th centuries). The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law. Volume 1]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin; 2003. 547 p. Russian.
19. Chebotareva VG. [German colonies of the Russian Empire – «states within a state»]. *Ehtnograficheskoe obozrenie*. 1997; 1:129–144. Russian.
20. Drobizheva LM. [State and ethnic identity: choice and mobility]. In: Magun VS, editor. *Grazhdanskie, ehnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [State and ethnic identity: choice and mobility. Civil, ethnic and religious identities in modern Russia]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2006. p. 10–29. Russian.
21. Tishkov VA. [What is Russia and the Russian people]. *Pro et Contra*. 2007;11(3):21–41. Russian.
22. Amburger E. *Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1986. 307 S.
23. Stricker W. *Deutsch-russische Wechselwirkungen oder die Deutschen im Russland und die Russen in Deutschland*. Leipzig: Mayer; 1849. 294 S.
24. Attenhofer GL. *Mediko-topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga, glavnogo i stolichnogo goroda Rossiiskoi imperii* [Medico-topographic description of Saint Petersburg, the principal and capital city of the Russian Empire]. Kozlov AP, translator. Saint Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk; 1820. 432 p. Russian.
25. Ulyanov NP. [Petrishule is the oldest school in Saint Petersburg]. In: Smagina GI, editor. *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii*. Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences; 1998. p. 129–136. Russian.
26. Zyuss V. *Chemu i kak uchili v nemetskikh shkolakh Rossii (nachalo XVIII stoletiya – 1917 god)* [What and how were taught in German schools in Russia (the beginning of the 18th century – 1917)]. Annenkov EA, translator. Saint Petersburg: Rostok; 2007. 518 p. Russian.
27. Litsenberger OA. *Evangelicheskoye lyuteranskaya tserkov' v rossiiskoi istorii (XVI–XX vv.)* [The Evangelical Lutheran Church in Russian history (16th – 20th centuries)]. Moscow: Lutheran Cultural Heritage Foundation; 2003. 543 p. Russian.
28. Nachtigal R. *Aufstieg und Niedergang der Deutschen von St. Petersburg – Leningrad*. In: German AA, editor. *Rossiiskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problema adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 14–19 sentyabrya 2004 g.; Saratov, Rossiya* [Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, mutual influence, tolerance. Materials of the International scientific conference; 2004 September 14–19; Saratov, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2005. p. 29–56. Germany.
29. Shaidurov VN, Osipov NA, Kajryak AA. German craft culture in Saint Petersburg: characteristics of development in the first half of the 19th century. *Journal of Frontier Studies*. 2023;3:48–73. Russian. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.532.

30. Pylyayev MI. *Staryi Peterburg. Rasskazy iz byloi zhizni stolitsy* [Old Petersburg. Stories from the former life of the capital]. Moscow: Svarog i K; 1997. 480 p. Russian.

31. Lebedeva EV. [Self-organisation of the German population of Russian cities in the 18th – early 20th century (on the example of Moscow and Saint Petersburg)]. In: German AA, editor. *Nemtsy Rossii: istoricheskii opyt i sovremennye problemy samoorganizatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 29–30 oktyabrya 2007; Moskva, Rossiya* [Germans of Russia: historical experience and modern problems of self-organisation. Materials of the International scientific and practical conference; 2007 October 29–30; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2008. p. 11–15. Russian.

32. Shaidurov VN, Erokhina OV. German colonies of St. Petersburg province: appearance and development in the 1765–1800s. *Journal of Frontier Studies*. 2023;8(1):15–31. Russian. DOI: 10.46539/jfs.v8i1.493.

33. von Koppen P. *Erklarender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements*. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften; 1867. 150 S.

34. Velitsyn AA. *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh kolonii na yuge i vostoke Rossii* [Germans in Russia. Essays on the historical development and present situation of the German colonies in the south and east of Russia]. Saint Petersburg: Russkii vestnik; 1893. 282 p. Russian.

35. Stumpp K. *Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs*. Freilassing: Pannonia-Verlag. Zeitraum; 1964. 139 S.

36. Lykova EE, Osekina MI, compilers. *Nemtsy-kolonisty v vek Ekateriny: sbornik dokumentov Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov po istorii organizatsii nemetskikh kolonii v Povolzh'e* [Germans colonists in the age of Catherine: collection of documents of the Russian State Archive of Ancient Acts on the history of the organisation of German colonies in the Volga region]. Moscow: Drevlekhranilishche; 2004. 340 p. Russian.

37. Shelukhin S. *Nemetskaya kolonizatsiya na Yuge Rossii* [German colonisation in the South of Russia]. Odessa: Aktsioner-noe yuzhno-russkoe obshchestvo pechatnogo dela; 1915. 83 p. Russian.

38. Schrader TA. [Legal and cultural adaptation of German colonists in the Saint Petersburg Province in the post-reform period]. In: Yukhneva NV, compiler. *Peterburg i guberniya. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Petersburg and the province. Historical and ethnographic studies]. Leningrad: Nauka; 1989. p. 132–139. Russian.

39. Bakhmutskaia EV. [The factor of Saint Petersburg in the economic, social and spiritual life of the German colonies under the capital]. In: German AA, editor. *Klyuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev; 18–21 noyabrya 2003 g.; Moskva, Rossiya* [The key problems of the history of the Russian Germans. Materials of the 10th International science conference of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans; 2003 November 18–21; Moscow, Russia]. Moscow: MSNK-press; 2004. p. 357–371. Russian.

40. Shaidurov VN. German craftsmen of Saint Petersburg: specifics of formation and development of the community in the 18th – early 19th century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2023;3:23–32. Russian.

41. Sergeev II. *Mirnoe zavoevanie Rossii nemtsam* [The peaceful conquest of Russia by the Germans]. Petrograd: Obshchestvo 1914 g. bor'by s nemetskim zasil'em; 1917. 68 p. Russian.

Получена 11.08.2023 / исправлена 15.12.2023 / принята 16.12.2023.
Received 11.08.2023 / revised 15.12.2023 / accepted 16.12.2023.